

Эпоха и личность: штрихи к политическому портрету вождя

Любопытный факт – по мере нашего удаления от той эпохи не прекращаются, а разгораются с новой силой споры о Сталине, который остается одной из самых неразгаданных фигур прошлого века. Если его деяния – как преступления, так и заслуги – стали теперь хорошо известны, то сама личность великого диктатора продолжает оставаться покрытой завесой таинственности. Историки разных стран так и не могут прийти к согласию в вопросе о том, что же все-таки двигало Сталиным, кем же он был на самом деле – романтиком мировой революции, советским империалистом или просто циничным прагматиком? И даже - был ли он злым гением (как считало большинство его западных современников и партнёров) или политической посредственностью, результаты деятельности которого, особенно во внешней политике, зачастую оказывались противоположны его исходным целям (как представляется сейчас многим зарубежным историкам) ?

Новые документы из сталинского и других архивов, хотя и не решают окончательно этих вопросов, всё же дают свежий материал для размышлений, добавляя новые штрихи к уже известному портрету.

«Государство – это я»

Этот крылатый афоризм, приписываемый Людовику XIV, с гораздо большим основанием мог бы изречь о себе Сталин. Ведь он был не просто очередным носителем российской государственности, а создателем нового, невиданного в истории типа государства. Если Ленин был основателем партии большевиков и вождем Октябрьской революции, оставившим после себя общий и во многом еще смутный план советского государства, то Сталин развил и воплотил этот план в жизнь. Великий теоретик и практик строительства социализма – таким он воспринимал себя сам и таким хотел войти в сознание своих подданных, да и

остального мира. «Никто в мире не руководил такими широкими массами, – надиктовывал Сталин начальникам Агитпропа тезисы для готовившейся «Биографии товарища Сталина» (на совещании 23 октября 1946 г.) – Учение о постоянных факторах. Учение о победе коммунизма в одной стране. Учение о коллективизации, индустриализации. Учение о государстве»¹.

Отождествление себя с государством усиливалось тем, что СССР для Сталина был не только главным детищем, но и как бы гигантским продолжением самого себя. Пожалуй, ни одно великое государство мира не создавалось в такой степени по образцу и подобию одного единственного человека - человека феноменальной подозрительности и жестокости, но и столь же редких способностей к единоличному управлению огромной страной – от редактирования газетных статей и художественных произведений до постоянного контроля за выполнением сложнейших военных и технических программ.

В созданной Сталиным управленческой пирамиде только он принимал решения по существенным вопросам, только к нему стекалась вся огромная информация о положении в стране и в мире, нередко включавшая и мелочи, которые привычно «отфутболивались» на «самый верх» боящимися ответственности подчиненными. Так, осенью 1950 г. МИД докладывает ему о драке подвыпившего сотрудника посольства США с московским дворником, и о попытке другого американского дипломата провести через границу 130 кг картофеля, запрещенного к ввозу в СССР.

Сталин следил за всем и всеми, прекрасно понимая, что без его «всевидящего ока», без постоянных встрясок и наказаний провинившихся созданная им властная вертикаль неизбежно атрофируется. Приходилось держать в поле зрения работу сотен и тысяч советских чиновников и организаций, постоянно вскрывая «проколы» в самых различных областях. Вот несколько типичных примеров.

В сентябре 1948 г. Сталин во время своего отпуска на юге шлет указание Политбюро перепечатать во всех газетах письмо родственников Льва Толстого «против шпионки Толстой в Америке» (антисоветская деятельность главы

---

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Ф.629, Оп.1, Д. 254, Л. 24.

«Толстовского фонда» в США, дочери великого писателя Александры Львовны Толстой вызывала большое раздражение в Кремле, в связи с чем МГБ инспирировало данное письмо, первоначально опубликованное в «Литературной газете»). Тут же Сталин, не полагаясь на профессиональных журналистов, диктует и форму подачи этого материала: «Нужно дать шапку вроде: «Протест членов семьи Льва Николаевича Толстого против шпионской деятельности изменницы Родины А.Толстой». «Литературная газета» не дала шапки, так как в этой газете сидят крайне неопытные и неумелые газетчики»². Именно с такой шапкой вышли через день все центральные газеты.

Надо признать, что редкая работоспособность, прекрасная осведомлённость во многих вопросах, огромная память и зоркий глаз позволяли Сталину безошибочно находить слабые места в действиях своих подчинённых, хотя нередко его «выволочки» имели субъективную, а то и откровенно садистскую окраску. Примером делового разноса может служить выговор А.И.Микояну за подготовленный тем путаный проект ответа американцам в ходе сложных переговоров об урегулировании по ленд-лизу в конце 1946 г. «Я считаю микояновский проект постановления, полученный мною 15 декабря, противоречивым и насквозь фальшивым», - телеграфировал Сталин в Политбюро во время своего очередного отпуска на Кавказе. С одной стороны, продолжал он, в проекте говорится о нарушении Соединёнными Штатами своих обязательств, с другой – эти нарушения поощряются «в виде новых уступок с нашей стороны», а с третьей – «заявляется, что эти уступки не могут быть истолкованы как одобрение нарушения наших договорных прав со стороны США. Это чисто меньшевистский проект. Ни одно уважающее себя правительство не может одобрить такого фальшивого проекта постановления. Одно из двух: либо нужно безо всяких рассуждений о нарушении наших прав принять требование американцев и выложить на стол 800 тыс. долларов; либо, если рассуждать о нарушении наших прав, нужно требовать от американцев выполнения договорных условий безо

---

² Сталин – Логинову для «девятки», 20.09.1948 // Архив Президента Российской Федерации (далее – АП РФ), Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.58.

всяких уступок с нашей стороны»³. Политбюро тут же осудило «грубые ошибки» Микояна и в конечном итоге был принят первый из предложенных Сталиным вариантов.

Если Микояну в данном случае досталось поделом, то сталинский выговор, сделанный в те же дни своему заместителю В.М.Молотову, носил откровенно издевательский характер. Накануне Молотов (находившийся тогда в Нью-Йорке на совещании Совета министров иностранных дел), подчиняясь указанию самого Сталина, согласился на своё избрание почётным членом Академии Наук СССР, о чём второго человека в государстве настойчиво просило руководство Академии. Проект дежурной телеграммы в адрес Президиума АН СССР с выражением своего согласия и неременным славословием в адрес «корифея всех наук» Молотов для подстраховки послал на одобрение самому корифею, получив от него следующий ответ: «Я был поражён твоей телеграммой... Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почётные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом как избрание в почётные члены. Мне кажется, что тебе, как государственному деятелю высшего типа, следовало бы иметь больше заботы о своём достоинстве»⁴.

Молотов в то время успешно завершал важные переговоры о подготовке мирных договоров с европейскими союзниками Германии, его речи и портреты перепечатывали все советские газеты. Видимо, именно поэтому Сталин решил осадить своего отличившегося зама, ещё раз показав, кто в доме хозяин. В ответ надлежало благодарить и каяться. «Вижу, что сделал глупость, - подавленно отвечал Молотов, - Избрание в почётные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания. За телеграмму спасибо»⁵.

Сталин не мыслил себя вне советского государства, а государство – без себя. «Вредно для государства», «не дорожит интересами нашего государства»,

---

³ Сталин – Берии, Вознесенскому и другим членам «семерки», 16.12.1946 // Коллекция документов АП РФ.

⁴ Дружков (тогдашний псевдоним Сталина в шифропереписке) Молотову, 5 декабря 1946 г./ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д 770, Л.139.

⁵ Там же, Л.140.

«обкрадывает государство» – таковы его наиболее типичные формулировки при разносах действий подчиненных. Личные враги Сталина, видевшего в себе главного радетеля государственных интересов, сразу становились врагами государства и наоборот. В этом смысле он был настоящим самодержцем, доведшим традицию российского самодержавия до ее логического – тоталитарного предела.

Слияние личного интереса правителя с государственным – давний и сильный аргумент в пользу монархической идеи. Еще Томас Гоббс в «Левиафане» писал о том, что «богатство, могущество и слава монарха обусловлены богатством, силой и репутацией его подданных»⁶. Для Сталина главным было не богатство народа, а «сила и репутация» советского государства, его державная мощь, в преумножении которой он видел единственный смысл своей жизни, гарантию своего места в истории и потому – «бессмертья может быть залог».

Мы не знаем, читал ли Сталин «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона (книгу весьма популярную в социал-демократических кругах дореволюционной России), в которой знаменитый английский мыслитель вывел «Лестницу славы» государственных деятелей. На её верхней ступени стояли основатели великих государств и империй («conditores imperiorum») – Ромул, Кир, Цезарь, Осман, Исмаил⁷. Но думается, что в любом случае не чуждые ему материальные интересы или даже жажда власти как таковая, а именно эта безмерная, бессмертная слава основателя великого государства могла быть путеводной звездой в темной бездне сталинской психики. Народ был лишь средством достижения этой грандиозной цели - ресурсом, который в силу его восполнимости можно было расходовать даже с меньшей оглядкой, чем природные богатства или территории. Сталин нередко так и говорил – «тратить солдат», а однажды в беседе с Чжоу-Эньлаем во время корейской войны выразился ещё откровенней: война ослабляет прежде всего США, ибо северокорейцы, по его словам, «ничего не проиграли, кроме жертв, которые они понесли в этой войне»⁸. А ведь эти жертвы составили около миллиона человек.

---

⁶ Т.Гоббс. Сочинения в 2х томах. М., 1991, Т.2, С.146.

⁷ Ф.Бэкон. Сочинения в двух томах. М., 1972, Т.2, С.476.

⁸ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.329, Л.167

Подобное инструментальное отношение к народу (присущее, впрочем, диктаторам всех времён) дополнялось у Сталина внутренней убеждённости в том, что «русский человек – плохой работник» (по словам В.И.Ленина) и потому нуждается в палке и железной дисциплине. В этом с ним негласно соглашались и советская партийно-хозяйственная номенклатура и даже искушённые заморские наблюдатели того времени, считавшие, что с таким народом «иначе нельзя», особенно если хотеть добиться чего-то великого. «В русском народе, - докладывал в 1946 году из Москвы британский временный поверенный Ф.Робертс, - глубоко сидит лень, расхлябанность и неэффективность, поэтому его необходимо постоянно держать в напряжении, чтобы сохранить позиции страны в мире. С учётом этих национальных качеств советский народ должен управляться очень твёрдой рукой...»⁹.

Великая цель для Сталина оправдывала любые средства, тем более, что по державным меркам Россия под его водительством действительно стала великой. Сталин «получил Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой» - неизвестно, произнёс ли на самом деле эти приписываемые ему (с подачи И.Дейчера) слова Черчилль, но таково было тогда широко распространённое на Западе мнение. То же британское посольство, подводя итоги сталинского правления в специальном донесении Черчиллю, отмечало: «Когда умер Ленин, ... союз ещё толком не сложился, а Россия была раздробленной, отсталой и сельской страной. Сталин превратил её в промышленную державу первой величины, центр новой империи»¹⁰.

Восприятие себя в качестве создателя нового великого государства, судя по всему, особенно усилилось у Сталина по окончании Великой Отечественной войны. В глазах миллионов, включая и самого вождя, война стала лучшей реабилитацией сталинской системы, придав новый смысл огромным жертвам времен коллективизации и индустриализации, и, тем самым показав (по словам из

---

⁹ Mr.Roberts to Mr.Bevin, March 14, 1946 // British Documents on Foreign Affairs. General Editors P.Preston and M.Partridge. Pt IV, Series A (The Soviet Union and Finland, 1946), Vol.1. University Publications of America, 1999, P.100.

¹⁰ Soviet Union: Quarterly Report, January-March 1953 (Sir A.Gascoigne to Mr.Churchill, 8 April, 1953) // Public Records Office, National Archives (далее-PRO) Prime Minister Papers (далее – PREM), 11/540.

речи А.А.Жданова), «насколько прав был товарищ Сталин»¹¹. СССР вышел из войны ведущей военной державой мира с широко раздвинувшимися границами и имперской сферой влияния, а сам Сталин стал признанным мировым лидером. История XX века, пожалуй, не знала более стремительного превращения вчерашней международной парии в члена привилегированного клуба великих держав-победительниц - «большой тройки». Истощённый войной Советский Союз казался сильнее, чем был на самом деле, и потому Сталин тем более стремился поддерживать и внутри страны и вне ее ощущение несокрушимости мощи СССР и необратимости его нового мирового статуса.

Отсюда – его неизменно жесткая реакция на любые попытки западных союзников умалить роль СССР в войне и послевоенном урегулировании или получить для себя какие-либо односторонние преимущества за советский счёт. Когда в августе 1945 г. президент Г.Трумэн неожиданно запросил у Сталина право базирования ВВС США «на одном из Курильских островов», тот ответил с сухим сарказмом в собственноручно написанном послании: «...требования такого рода обычно предъявляются либо побежденному государству, либо такому союзному государству, которое само не в состоянии защитить ту или иную часть своей территории и выражает готовность ввиду этого предоставить своему союзнику соответствующую базу. Я не думаю, чтобы Советский Союз можно было причислить к разряду таких государств»¹². Выговаривая послу США А.Гарриману в конце октября того же года за нежелание его правительства должным образом консультироваться с СССР по Японии, Сталин столь же саркастически осведомился: «Может быть Америке нужны сателлиты, а не союзники? Должен сказать, что Советский Союз не годится для такой роли»¹³.

С не меньшим упорством вождь прививал новое сверхдержавное мышление своим приближенным, борясь с традиционным русско-советским комплексом неполноценности перед Западом. В этом, как представляется, состоял один из

---

¹¹РГАСПИ, Ф.77, Оп. 1, Д. 975, Л.50.

¹² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в 2-х томах. М., 1957, т.1, С.265.

¹³ Архив внешней политики Российской Федерации, Ф.7, Оп.10-в, П. 46, Д.1, Л.23.

скрытых мотивов кампании борьбы с «угодничеством» и «низкопоклонством», начатой Сталиным еще осенью 1945 г. среди партийно-государственной верхушки. Её отзвуки кругами расходились по номенклатуре задолго до публичного объявления этой кампании. Так, секретарь ЦК А.А.Кузнецов на июльском (1946 г.) совещании в ЦК напоминал работникам внешней пропаганды сталинское указание «о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную, активную внешнюю политику везде и повсюду. И послам дано такое указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя»¹⁴. Команда «не пресмыкаться» давалась активу, видимо, не единожды.

Апелляция к национальному достоинству и самоуважению («национальной гордости великороссов») должна была, по мысли Сталина, помимо прочего, повысить иммунитет советских людей против «влияния Запада», развивая в них чувство не только классово-идеологического, но и национально-культурного превосходства над «упадническим» западным миром. Сложнее всего здесь было с интеллигенцией, даже в советские времена сохранявшей историческую традицию пиетета в отношении Запада. Это к ней обращены слова, сказанные Сталиным на печально известном совещании в ЦК по журналам «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946 г.: «На цыпочках ходите. Вы ученики, они учителя. По сути дела неправильно это»¹⁵.

Хозяин СССР

Но как было привить чувство национального достоинства и самоуважения людям, чьё личное достоинство постоянно попиралось всемогущим государством? Как воспитать хозяйское отношение к жизни у простых «винтиков» государственной машины, если даже управляющая ими номенклатура панически боялась ответственности и занималась очковтирательством? В системе, при которой «один правит, а остальные боятся» (по словам не раз бывавшего в сталинском Кремле министра иностранных дел Великобритании Э.Идена),

¹⁴ РГАСПИ, Ф. 17, Оп. 125, Д.385, Л.76.

¹⁵ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.1127, Л.6.

настоящим хозяином мог быть лишь сам вождь, не случайно и прозванный за глаза «Хозяином» своими слугами-соратниками.

Вот и приходилось в одиночку бороться с хаосом и бестолковщиной российской жизни, неистребимыми даже в условиях казалось бы тотального контроля. Чтобы убедиться в этом, достаточно было отъехать от Москвы. Сталин, как известно, крайне редко ездил по стране и каждый его маршрут тщательно прорабатывался заранее. Тем не менее, некоторые вещи было невозможно скрыть. Вот что, например, увидел Сталин из окна своего вагона по пути в очередной отпуск на юг осенью 1948 года. «По всем дорогам от Украины до Симферополя лежит под открытым небом на станциях большое количество заготовленного хлеба. Если пойдут дожди, хлеб погибнет». - обращается он с борта поезда к «девятке» Политбюро, требуя наказать главного виновника – министра заготовок Б.А. Двинского. «Пора кончать с этим преступлением. Нужно взгреть также и МПС. Жду от вас конкретных мероприятий»¹⁶. Срочно взгрели виновных, убрали хлеб с дорог.

Месяц спустя – еще одна энергичная депеша с юга: «Был проездом в Севастополе. Город с его разрушениями производит гнетущее впечатление. При существующих темпах восстановление города может быть закончено не ранее 10-15 лет, если не позднее. Без вмешательства Москвы город еще долго будет лежать в руинах, являя собой живую демонстрацию нашей нераспорядительности, которую будут расценивать как наше бессилие. Трудно понять, почему мы вмешиваемся в дело восстановления Ашхабада, а не хотим вмешаться в дело восстановления первой морской крепости. Неужели нужно ждать землетрясения в Севастополе, чтобы заняться наконец по-настоящему его восстановлением»¹⁷. В тот же день Политбюро докладывает Сталину о создании специальной комиссии, и только тогда восстановление города пошло вперед полным ходом. Показательно, что Сталина волнует не только плачевное состояние «первой морской крепости», но и то впечатление о власти, которое оно производит у населения («будет расценено как наше бессилие»).

---

¹⁶ Сталин – Молотову для «девятки», 9.11.1948 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.4.

¹⁷ Сталин – Молотову для друзей, 11.10.1948 // Там же, Л.106.

Еще сильнее тот же мотив звучит в реакции Сталина на само ашхабадское землетрясение, также заставшее его на Кавказе. «Слишком примитивно выглядит СССР в связи с событиями в Ашхабаде», - отчеканивает он в очередном послании для «девятки», отмечая отсутствие квалифицированной экспертизы и беспомощность местных властей в ликвидации последствий стихийного бедствия. (Что, Туркменистан – это «голое поле?» – осведомляется вождь). «Можно подумать, что у нас не передовое государство, имеющее свои обсерватории и сейсмологические станции, а нечто вроде Эфиопии»¹⁸. Снова отчетливо видно, что Сталина в первую очередь заботит не гибель тысяч людей в результате землетрясения, а ущерб, наносимый престижу «передового государства», на сей раз в глазах всего мира.

Эта одержимость Сталина образом СССР как великой державы, неразрывно слившимся с его собственной честью и достоинством, принимала подчас почти курьезные формы. Известно, как коробило его домашнее прозвище «дядюшка Джо», приклеившееся к нему на Западе в годы войны: раз, во время Тегеранской конференции, он даже чуть не покинул заседание в знак протеста против такой унижительной фамильярности. Другой, менее известный пример – его реакция на жест протеста со стороны Молотова, который летом 1946 г. демонстративно ушел с французского военного парада, где был поставлен во втором ряду почетных гостей. «Не знаю, правильно ли я поступил», - телеграфировал он об этом Сталину из Парижа, возможно, желая подстраховаться, а скорее всего, просто напрашиваясь на похвалу. В таком случае расчёт оправдался. «Ты поступил совершенно правильно..., - отвечал Сталин своему заму, – Достоинство Советского Союза следует защищать не только в главном, но и в мелочах»¹⁹. Вернее, в этом деле для Сталина не было мелочей.

Он измерял силу государства не только его экономической и военной мощью, но и поведением его лидеров, расчётливостью его дипломатии. В сталинском видении мира как арены беспощадной борьбы «всех против всех», в которой слабых бьют, а сильных боятся, не было места альтруизму даже в отношениях с

---

¹⁸ Сталин – Молотову для «девятки», 8.10.1948 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.102.

¹⁹ Дружков – Молотову, 26.08.1946 // Коллекция документов АП РФ.

союзниками. Летом 1947 г. для того, чтобы заставить правительство Чехословакии отказаться от участия в плане Маршалла, Сталину пришлось действовать не только угрозами, но и посулами увеличения торгово-экономической помощи этой стране. И тем не менее, изучая подготовленный по его указанию Министерством внешней торговли проект торгового соглашения с Чехословакией, Сталин обратил внимание на асимметрию взаимных обязательств, по которым советские поставки были расписаны подробно, а чехословацкие – весьма туманно. Чехословакия к тому же не спешила с советизацией своего режима, что вызывало большое недовольство в Москве. Последовал строгий наказ в Политбюро: «Мы не можем допустить, чтобы в системе союза между СССР и Чехословакией СССР выглядел как наивный дурачок, не умеющий защитить свои интересы, а Чехословакия – как прозорливый и опытный партнер, обкручивающий вокруг пальца СССР. Кроме того, следует помнить, что СССР является страной советской, страной социализма, интересы которой не должны быть подчинены интересам несоветской страны, хотя бы и союзной»²⁰. Годом раньше Сталин принимает решение о сокращении численности советских войск в Монголии: для СССР это «большая обуза» и лишняя трата валюты, которая оседает в Монголии, пишет он Молотову; монгольское правительство против такого сокращения, добавляет Сталин, но «просьба монголов для нас не резон»²¹. «Резон д'этр» – интересы советского государства (в его собственном понимании, разумеется,) для Сталина превыше всего – превыше интересов союзных стран, зарубежных компартий, (которые он сплошь и рядом приносит в жертву своей политике) и даже мировой революции. Сталин, впрочем, здесь не видел противоречия, ибо СССР и был главным оплотом борьбы с империализмом. «Действия Красной Армии, - говорил он Г.Димитрову, - тоже есть дело мировой революции»²².

Враждебный мир

²⁰ Сталин – «семёрке», 2.10.1947 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.106, Л.149.

²¹ Сталин – Молотову, 2.11.1946 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.102, Л.108.

²² G.Dimitrov, Dnevnik, Sophia, 1997, P.188.

Бытует мнение о том, что Сталин сознательно раздувал внешнюю угрозу для закручивания гаек внутри страны, сам в нее не особенно веря. Думается, что это не так. Отношение Сталина к внешнему миру можно рассматривать как наслоение трех основных начал его сознания и психики. Первое – унаследованная им внешнеполитическая традиция русского царизма, с его отчужденностью от Запада, комплексом повышенной уязвимости, тягой к безопасности через экспансию и опорой на собственные силы (вспомним поговорку Александра III о том, что у России только два союзника – её армия и флот). Второе – идеология и опыт большевизма, усугубившие все эти черты, прежде всего – ощущение изоляции и враждебного окружения, того, что от «военного вторжения мы всегда на волоске» (В.И.Ленин). Если добавить к этому индивидуальные особенности психики самого Сталина – бездонную подозрительность, мстительность, ксенофобию и манию преследования, то мы получим, так сказать, комплекс враждебного окружения «в кубе». Всегда быть начеку, выявлять и уничтожать скрытых врагов, никому не верить, неизменно предполагать худшее в намерениях и действиях других – вот основные заповеди политической морали Сталина.

Он действительно всюду видел шпионов. В 1933 году, заметив в тассовке нелицеприятные отзывы иностранных корреспондентов о ходе коллективизации, Сталин телеграфирует Молотову и Кагановичу: «Не знаете ли, кто разрешил американским корреспондентам в Москве поехать на Кубань? Они состряпали гнусность о положении на Кубани... Надо положить этому конец и воспретить этим господам разъезжать по СССР. Шпионов и так много в СССР»²³. Осенью 1948 г. в Батумском порту возник пожар на теплоходе «Победа», прибывшего из США с армянскими репатриантами. Версия МГБ, что американцы подсыпали «горючего вещества» еще в Нью-Йорке, кажется Сталину недостаточно бдительной («тогда почему не загорелось раньше?») и он приказывает искать американских диверсантов среди самих репатриантов; «главная их цель, - пишет он, - поджечь нефтяные промыслы»²⁴.

---

²³ Сталин – Молотову, Кагановичу, 19.02.1933 // Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. М., 2001, С.307.

²⁴ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.109, Л.55.

В осаждённой крепости лучше перегнуть палку в сторону бдительности и подозрительности, чем позволить себе расслабиться. Поэтому личные качества Сталина обретали вид суровой необходимости даже в глазах его идейных оппонентов, один за другим становившихся жертвами сталинской подозрительности. Вот что писал Сталину Николай Бухарин в ноябре 1937 г., уже предчувствуя приближение личной и мировой катастрофы: «Я знаю, что ты подозрителен и часто бываешь очень мудр в своей подозрительности... Ты не стареешь. У тебя железная выдержка. Ты прирожденный полководец и тебе еще придется играть роль победоносного водителя наших армий»²⁵. Мы не знаем, что чувствовал Сталин, читая эти во многом пророческие строки обреченного им на смерть соратника. Вряд ли он поверил в искренность «любимца партии», но высказанные тем мысли сами по себе должны были ему понравиться. «Мудр в своей подозрительности» - лучше не скажешь.

И напротив, такие качества, как открытость, доверчивость, простота и даже честность в сталинской шкале ценностей - наихудшие пороки для государственного человека. Он постоянно разносит своих соратников, дипломатов и даже разведчиков за «наивность», «отсутствие прозорливости», неумение разглядеть злой умысел врага. Пожалуй, самый выразительный сталинский монолог на эту тему записал в своем дневнике тогдашний главный редактор «Правды» П.Н.Поспелов во время совещания в ЦК 30 марта 1949 г. Вот зафиксированные им отрывки из заключительного слова Сталина: «Где сейчас главная опасность? О честных дураках и слепцах. От таких честных людей, но слепых, может погибнуть наша страна... Разве медведь (из крыловской басни) не был честным? ... Враги делают свою политику руками таких дураков»²⁶ (речь, видимо, шла о басне «Медведь и странник», в которой медведь, отгоняя мух от лица своего спящего двуногого друга, нечаянно раскроил ему череп).

Итак, враг вездесущ, силен и коварен, а советские люди тяжелы на подъём, мягки, ленивы и простодушны, и даже среди руководителей много еще «честных дураков». Что же делать с таким народом?

---

²⁵ Бухарин – Сталину, 20.11.1937 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.710, Л.181.

²⁶ Заключительное слово тов.Сталина (30.3.1949), РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.95, Л.244, 246.

Страх и вера

Стращать, закалять и воспитывать, мог бы ответить Сталин. Что касается страха, то здесь всё более или менее ясно: сталинская машина контроля и террора работала с «перебором» именно для того, чтобы ни один даже самый благонадёжный и невиновный человек не чувствовал себя в безопасности. Это относилось и к номенклатуре, которую нужно было периодически перетряхивать. Решалось это просто. В Минфине неблагополучно пишет, например, Сталин Молотову летом 1933 г.: «нужно, по-моему, проверить весь аппарат и перешерстить его в духе большевизма»²⁷. Сказано – сделано.

Закаливать же лучше всего было через предельные нагрузки и испытания – трудом, лишениями, героическими свершениями или даже огнём войны. Как-то в порыве откровенности Сталин поведал приглянувшемуся ему американскому гостю – лидеру Республиканской партии США У.Уилки, посетившему СССР осенью 1942 г.: «Наши страны, т.е. СССР, Англию и США надо побомбить, т.к. население наших стран страдает самоуспокоенностью и самонадеянностью. Это объясняется тем, что в наших странах проповедовали человечность, в то время как в Германии проповедовали убийства»²⁸. Война вообще пошла на пользу, считал Сталин, решив многие проблемы закалки и мобилизации советских людей. «...Война, - говорил он на встрече с делегацией общества «Финляндия – СССР» в октябре 1945 г., - вызвала большое напряжение интеллектуальных сил народа и война научила изобретать новые методы и средства труда и производства... Выросло умение людей работать быстрее и лучше. Одним словом, по русской пословице, «нет худа без добра». Если взять самое плохое явление и покопаться – в нём можно найти хорошее. Война, конечно, принесла известную пользу в развитии производства, в умении работать»²⁹.

---

²⁷ Сталин – Молотову, Кагановичу, 03.08.1933 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.769, Л.117.

²⁸ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.380, Л.30,31.

²⁹ Беседа И.В.Сталина с делегацией общества «Финляндия – СССР» 8.10.1945 // РГАСПИ, Ф.17, Оп.125, Д.371, Л.161.

И все же одного страха и закалки было недостаточно; нужна была еще и вера – вера в советский строй, непогрешимость партии и ее идеологии, вера в самого Сталина. Он понимал, что культ личности, при всей его полезности, еще недостаточно прочное основание для такой веры, которая должна основываться на убеждениях, сознательности, овладении марксистско-ленинско-сталинской теорией. «Идолопоклонников воспитываете, вместо того, чтобы у людей сознание будить». – сердито бросил он как-то руководству Агитпропа на совещании в октябре 1946 г.³⁰.

Для идеологического воспитания была огромная машина политпросвещения, были сочинения классиков, включая и его собственные, за изданием и распространением которых вождь неусыпно следил. Стоило «Правде» в августе 1947 г. промедлить с откликом на публикацию очередного - 5-го тома собрания сочинений Сталина, как последовал строгий нагоняй от самого сочинителя: «Всё же крайне странно, - начертил Сталин коричневым карандашом на объяснительной записке П.Н.Поспелова на имя А.Н.Поскребышева, - что «Культура и жизнь» и «Большевик» давно опубликовали как извещение о выходе из печати 5-го тома, так и рецензию, а «Правда», главный печатный орган ЦК, не успела опубликовать даже извещение о выходе 5-го тома. Рецензию могла бы «Правда» вовсе не публиковать ввиду большой своей занятости более важными делами, но опубликовать извещение она должна была во всяком случае не позже «Культуры и жизни» и «Большевика». Это элементарно. Страдает авторитет «Правды»³¹. «Дорогой товарищ Сталин! Позвольте заверить Вас, что я всей душой переживаю Ваш справедливый упрёк и сумею сделать все необходимые выводы из Ваших указаний, - горячо каялся тот самый Поспелов, который через несколько лет возглавит комиссию ЦК по подготовке разоблачительного доклада о «культе личности». – Мне крайне стыдно за допущенную ошибку, которая произошла прежде всего из-за неумения сосредоточить внимание на самом главном, и из-за некоторой безрукости, безынициативности»³².

³⁰ Беседа с тов.Сталиным, 23.10.1946 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.24.

³¹ Поспелов – Поскребышеву, 21.08.1947 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.32.

³² Поспелов – тов.Сталину, 24.08.1947 // Там же, Л.33.

И всё же сознание пробуждалось с трудом даже у партийно-государственного актива. В ЦК постоянно докладывались неутешительные результаты периодических проверок плодов идеологического просвещения на разных уровнях. Так, например, проверка 1946 года по Кировской области показала, что половина руководящих работников не могли назвать ни одного произведения Ленина и Сталина», а большинство рядовых коммунистов не в состоянии еще изучить «Краткий курс». Если даже предельно простой «Краткий курс» не по зубам рядовым коммунистам, то с чего начинать идеологическое просвещение? Сталин находит ответ и на этот вопрос. На той же встрече с руководством Агитпропа (23 октября 1946 г.) Пospelов записывает вещие слова вождя: «Широкие слои трудящихся, простые люди не могут начать изучение марксизма-ленинизма с сочинений Ленина и Сталина. Начнут с биографии. Биография – очень серьезное дело, она имеет громадное значение для марксистского просвещения простых людей»³³.

Видимо, Сталину, как бывшему семинаристу, биографии классиков марксизма-ленинизма представлялись чем-то вроде жизнеописаний святых, а «Краткий курс» – функциональным эквивалентом Священного писания на следующем этапе роста религиозно-идеологического сознания, в котором непогрешимая партия должна была занять место Всевышнего. «Воспитывать надо любовь к партии, которая бессмертна». - ставит он главную задачу перед собравшимися в Кремле агитпроповцами. Трудно сказать, чего больше в этом наказе - жутковатого фанатизма или крайнего цинизма. Но то, что для простых людей идеология сродни религиозной вере, у Сталина не вызывает сомнений. На той же беседе он отчеканивает поистине знаменательные слова: «Марксизм – религия класса, его символ веры»³⁴.

Эта, судя по всему, давно выношенная мысль великого вульгаризатора марксизма удивительным образом перекликается с прозрением одного из самых творческих марксистских мыслителей XX века Антонио Грамши, который в своих знаменитых «Тюремных тетрадах» писал, что «... массы как таковые не могут

---

³³ Беседа с тов.Сталиным, 23.10.1946 // РГАСПИ, Ф.629, Оп.1, Д.54, Л.23.

³⁴ Там же, Л.25, 29.

усваивать философию иначе, как веру... Самым значительным (в этом процессе – В.П.) является, несомненно, элемент иррационального характера, элемент веры»³⁵. Но то, что для Грамши было печальным теоретическим выводом, для Сталина служило руководством к действию по насаждению большевизма как чего-то среднего между сознательностью и идолопоклонством.

«Почему я не люблю людей вроде Зошенко?»

- задался вопросом Сталин на совещании в ЦК по «Звезде» и «Ленинграду». - Потому что они проповедуют безыдейность, и что они говорят: ну вас к богу с вашими идеями, от ваших идей покоя нет, а мы хотим отдохнуть, пошутить, посмеяться»³⁶. Казалось бы, что в этом плохого? В домашнем кругу, вспоминал друг Василия Сталина Артём Сергеев, Сталин и сам любил читать вслух Зошенко, а порой при этом «смеялся чуть ли не до слёз»³⁷. Но для системы, построенной на новой секулярной религии и постоянной мобилизации, самыми опасными врагами были даже не империализм извне и вредители внутри, а именно безыдейность и расслабленность. Большевизм, постоянно насилующий историю и свой собственный народ, был несовместим с нормальной обывательской жизнью. Хорошо сказал об этом на склоне лет верный сталинец Молотов: «Если спокойно живется, большевики не нужны. Абсолютно не нужны. Они где-нибудь наворачивают - идти вперёд, пробивать трудность, а для спокойной жизни зачем большевики? Социал-демократы лучше. Они как раз на это годятся. Они подчинились этому, так сказать, стихийному движению капитализма»³⁸.

Стихийность, спонтанность, органическое течение жизни были глубоко чужды духу большевизма с его одержимостью организовать всё и вся, подчинить поступки и даже мысли людей единому плану. Но и сверх-напряжение, постоянная мобилизация нуждались в тщательной дозировке. Зловещий политический гений Сталина, ярче других подмеченный проницательным знатоком сталинской России

³⁵ А.Грамши. Избранные сочинения в трёх томах. Том третий. Тюремные тетради. М., 1959, С.29.

³⁶ АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.1127, Л.16.

³⁷ Ф.Чуев. Молотов: полудержавный властелин. М., 1999, С.360.

³⁸ Там же, С.378.

Исайей Берлиным, состоял в том, что он первым нашёл решение извечной дилеммы, подстергавшей все большие революции, которые либо постепенно тонули в трясине повседневности, либо срывались в самоубийственную оргию фанатизма и террора. Берлин назвал это сталинское изобретение «искусственной диалектикой» - умением чередовать периоды «встрясок» и «чисток» с передышками из временного затишья и послабления, в совокупности образующих колебания «генеральной линии» партии в борьбе с очередным «уклоном». Успешное применение этой техники, писал Берлин, «невозможно без контроля над всеми природными и человеческими ресурсами и над общественным мнением, способности установить в масштабах всей страны ультражесткую дисциплину; и в наибольшей степени без чувства момента, развить которое под силу лишь исключительно умелым людям, возможно даже одним гениям, - и этим чувством в первую голову должен обладать сам верховный диктатор»³⁹.

К Зощенко, Вертинскому и другим «безыдейщикам», как известно, власти подбирались еще в годы войны. Но тогда эти люди не были столь опасны: тяжелейший пресс войны не давал народу расслабиться, да и у начальства руки были заняты другим. В идеологическом плане годы войны были периодом ослабления политических пут. Но вот кончилась война и народ как никогда жаждал нормальной, спокойной, частной жизни после колоссального напряжения и самопожертвования военных лет. А в Кремле уже верстались ударные планы пятилетки восстановления, раскручивался маховик нового противоборства с Западом, и все это опять требовало предельной мобилизации человеческих ресурсов. В такой обстановке «люди вроде Зощенко» становились нетерпимыми. 9 февраля 1946 года в знаменитой речи в Большом театре Сталин ставит перед страной новые огромные задачи, напоминает об империализме и порождаемых им неизбежных войнах. Через месяц он заостряет тему военной угрозы в своем ответе на фултонскую речь Черчилля. В апреле на идеологическом совещании в ЦК А.А.Жданов от имени Сталина предупреждает о порочности установки на то, «что после войны людям надо дать отдохнуть и т.д.». «Если будем придерживаться

---

³⁹ Берлин И. История свободы. Россия / Предисловие Ф.Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. С.384,386.

такого рода политики, - добавляет Жданов, - то мы окажемся в очень критическом положении»⁴⁰. Отсюда было уже рукой подать до начала публичной кампании «ждановщины».

Сам Жданов к тому времени настолько наловчился озвучивать мысли вождя, что тот ограничивался самой незначительной правкой ждановских речей, порой не скупясь на крайне редкую для себя похвалу. «Читал Ваш доклад, - пишет о Жданову о его проекте программного выступления по «Звезде» и «Ленинграду» (который Жданов послал ему со скромной припиской: «годится ли это?»), – Я думаю, что доклад получился превосходным. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде отдельной брошюры. Мои пометки смотрите в тексте. Привет, Сталин». Пометки были весьма характерны, усиливая и без того погромное звучание ждановского текста. К характеристике «Ленинграда» он добавляет фразу – «стал журналом, помогавшим врагам разлагать нашу молодежь», в ждановское «преклонение перед иностранной литературой» вставляет эпитет «мещанской», а призыв «воспитывать людей не в духе наплевизма и безыдейности», дополняет энергичной концовкой – «а в духе бодрости и революционности»⁴¹.

Бодрость и революционность, страх и вера, враждебное окружение, единоличная власть, тотальная мобилизация, предельное напряжение сил – все эти опоры сталинского режима держались, покуда был жив сам его создатель. «Я умираю, но государство остается» - уверенно сказал перед смертью Людовик XIV. Сталин же мог на это только надеяться, ибо в конце жизни его обуревали мрачные предчувствия о том, что станет с его детищем после него. «Передущат вас империалисты как котят», - говаривал он Н.С.Хрущёву и другим своим соратникам.

Размышляли об этом и сами «империалисты», особенно – сразу же после смерти великого диктатора. Британский посол в Москве сэр Гэскойн в своём донесении о похоронах Сталина писал: «Ключевой вопрос – окажется ли внушительное наследство, оставляемое Сталином своему преемнику, достаточно прочным, чтобы пережить его смерть? Смогут ли созданные Сталиным машина и

---

⁴⁰ РГАСПИ, Ф.77, Оп.1, Д.976, Л.35,43.

⁴¹ Сталин – Жданову, 19.11.1946 // АП РФ, Ф.45, Оп.1, Д.732, Л.1,2,18-19, 24.

миф власти выдержать напор центробежных сил, которые неизбежно заявят о себе не только в Советском Союзе, но и в его сателлитах, особенно – в Китае? Возможно, мы являемся свидетелями конца Августовской эры Советской империи. Но Сталин настолько тесно скрепил все её части вокруг центра, что если дух независимости или соперничества поднимет голову, то процесс дезинтеграции, если и произойдёт, будет развиваться лишь постепенно»⁴².

И. Берлин видел главную угрозу после-сталинскому режиму несколько в другом: поскольку советская система не является саморегулирующейся, то её судьба во многом зависит от того, совпадают ли преемники Сталина с созданным им по правилам «искусственной диалектики» механизмом управления, «которым могут пользоваться лишь величайшие политические гении, но от которого слишком опасно отказываться и который ни в коем случае нельзя оставлять без присмотра». Изобрести этот инструмент, «позволяющий сломить человеческую волю и всё же одновременно заставить людей работать на максимуме своих возможностей», добавлял Берлин, могла «лишь душа, презиращая свободу и человеческие идеалы больше, чем сам Великий Инквизитор Достоевского»⁴³.

Вдумчивые англичане не слишком ошиблись в своих прогнозах. Государство, созданное великим диктатором, ненадолго пережило его самого – в нём было слишком много от Сталина. Не случайно март 1953 года многими воспринимался тогда как конец целой эпохи. Тот же Гэскойн в секретном отчёте так описывал чувства, обуревавшие его в траурном зале Дома Союзов: «Сказать, что я был под большим впечатлением от церемонии похорон, было бы явным преуменьшением. Это зрелище с его зловещим варварским колоритом и полным отсутствием религиозного духа, усиленно возвращало меня к истории коммунизма и тех, кто изобрёл эту крайне порочную, но мощную форму идеологии. Сталин войдёт в историю как жестокий, хладнокровный и безжалостный тиран. Но это не отменяет того факта, что он был великим человеком. Я думал о его скромном происхождении в Гори – грузинской деревушке, где мне посчастливилось побывать прошлым летом, и о тех превратностях судьбы, через которые прошёл

---

⁴² Soviet Union: Quarterly Report, January-March 1953 (Sir A. Gascoigne to Mr. Churchill, April 8, 1953) // PRO, PREM 11/540.

⁴³ Берлин И. История свободы, С.387-388, 390.

этот «человек из стали» на протяжении своей долгой жизни. Думалось и о той героической роли, которую он сыграл в разгроме Германии во Второй мировой войне, в том числе - когда в почти безнадежной ситуации он отказался покинуть Москву. Глядя в последний раз на его лицо, я глубоко сожалел о том, что из-за марксистской заразы и непомерной жажды власти он избрал путь, который увёл его самого и его страну прочь от семьи цивилизованных наций»⁴⁴.

---

⁴⁴ The Funeral of Premier Stalin. (Sir A.Gaiscoigne to Mr.Eden, 9 March, 1953) // PRO, PREM 11/ 540.